

МАЯКОВСКИЙ НА СТАВРОПОЛЬЕ

Всё послеоктябрьское творчество Маяковского органически слито с кипучей жизнью многомиллионного советского народа, с его победоносной борьбой за коммунизм, с фактами повседневной героической действительности нашей великой Родины. С исключительной оперативностью откликался он на важнейшие вопросы общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни страны. Его стих нес и продолжает нести в народ светлые идеи советского патриотизма и пролетарского интернационализма, славил и славит мирный созидательный труд советских людей, призывает к бдительности, разоблачает истинное лицо фашиствующего империализма. С принципиально-партийных позиций он боролся со всем тем, что мешало нашему продвижению вперёд, беспощадно бичуя в своих сатирах победоносиковых, присыпкиных, подлиз, перерожденцев и тому подобный общественный мусор.

Связав своё творчество с интересами советского народа и социалистического государства, Маяковский всегда чутко прислушивался к могучему биению пульса жизни Союза Советов, внимательно, глубоко и всесторонне изучал жизнь советских людей, постоянно общался с ними непосредственно в цехах фабрик и заводов, в рабочих клубах, в красноармейских казармах, в аудиториях институтов. Именно здесь, из неиссякаемых родников повседневной советской «трудной были», черпал он темы и материал для своих произведений, именно потому так остра и злободневна была и остаётся каждая строчка его стихов. Отмечая значение для своей творческой деятельности постоянного и непосредственного общения с народом-строителем, Маяковский говорил: «Мне необходимо ездить. Обращение с живыми вещами почти заменяет мне чтение книг».

Одной из наиболее действенных форм связи поэта с самыми широкими слоями трудящихся были поездки по городам страны, которые Маяковский совершал почти ежегодно и по самым разнообразным маршрутам. Остановливаясь на этой стороне своей деятельности, он писал: «Вторая работа — продолжаю прерванную традицию трубадуров и менестрелей. Езжу по городам и читаю».

Свои выступления перед читателями Маяковский считал делом первостепенной важности и приравнивал их по значимости и действенности к работе в газетах.

Во время своих поездок Маяковский выступил с докладами и чтением стихов перед рабочими аудиториями почти во всех крупных промышленных центрах европейской части Союза и Кавказа. В статье «Вас не понимают рабочие и крестьяне», вспоминая об этих выступлениях, он писал: «Я читал крестьянам в Ливадийском дворце. Я читал за последний месяц в бакинских доках, на бакинском заводе им. Шмидта, в клубе Шаумяна, в рабочем клубе Тифлиса, читал, влезши на токарный станок, в обеденный перерыв, под затихающее верещание машин».

В стихотворении «Чудеса», относящемся к 1927 году, Маяковский, говоря о великих завоеваниях Октября, с гордостью заявляет о большом счастье советского поэта — о праве лично нести в народ огненные строки своих стихов:

«И вот,

где Романов
 дулся с маркерами,
    шары
    ложа
 под свитское ржание,
    читаю я
 крестьянам
                                  о форме
                                  стихов —
 и о содержании».

И дальше:

«Пусть тот,
                                  кто Советам
                                  не знает цену,
 со мною станет
                                  от радости пьяным:
 где можно
                                  ещё
                                  читать во дворце —
 что?
   — Стихи!
   — Кому?
   — Крестьянам!»

24 июня 1927 года Маяковский выехал в очередное путешествие по Советскому Союзу. Поэт предполагал выступить с докладами и чтением стихов в Сталино, Харькове, Луганске (теперь г. Ворошиловград), Артёмовске, Симферополе, Севастополе, Ялте, Новороссийске, Баку, Батуми, Тбилиси и Кутаиси. Однако после успешных выступлений в промышленных центрах Украины и на курортах Крыма Маяковский нарушил свой первоначальный план и в первых числах сентября выехал из Ялты на Кавказские Минеральные Воды.

Вечером 3 сентября 1927 года мальчишки-газетчики, продававшие утренний («завтрашний») выпуск газеты «Терек», первыми разнесли по Пятигорску весть о предстоящем приезде поэта. На следующий день эта новость сделалась достоянием всех курортников и жителей городов Минераловодской группы и вызвала живой интерес со стороны местной общественности. Так, например, бывший машинист сцены ессентукского «Театра-Парк» И. В. Назаров сообщает, что «известие о предстоящем приезде Маяковского на Кавминводы было встречено с большим интересом и вызвало оживлённое обсуждение среди театральной общественности вообще и, в частности, в коллективе артистов, рабочих и служащих «Театра-Парк».

В небольшой заметке «К выступлению Маяковского» «Терек» сообщал: «На днях на группы приезжает поэт Владимир Маяковский и выступит с докладами и чтением новых стихов и поэм в Пятигорске в Лермонтовской галерее во вторник 6 сентября, в Железноводске — 7-го, в Кисловодске в Нижнем парке — в четверг, 8-го и в Ессентуках в закрытом театре парка — в пятницу 9 сентября». Одновременно с этим в заметке приводились произвольно сокращённые тезисы доклада поэта: «О Лефе, о Пушкине, о Варшаве, о слезах Крамаржа и пр.» Из стихов указывались только «Маршал Понятовский», «Чугунные штаны» (вместо «Маршал Понятовский» и «чугунные штаны»), «Канцелярские привычки», «Ужасающая фамильярность», и, почему-то, «Сергею Есенину», которое

Маяковский не включал в программу «разговора-доклада».¹ О других стихотворениях и сатирах поэта автор сообщения счел нужным умолчать, хотя организатор выступлений и неизменный спутник Маяковского в путешествиях по Союзу П. И. Лавут, от которого были получены сведения о приезде поэта, не мог не подчеркнуть, что программа выступления Маяковского, включавшая в себя и чтение новых произведений, является строго продуманным целым.

«ВСЕМ — ВСЁ» — так называл свой «разговор-доклад» Маяковский. С ним он успешно выступал на Украине и в Крыму, с ним он выступал и на курортах Кавказских Минеральных вод. «Разговор-доклад» состоял из двух разделов, органически связанных между собой. Первый — это собственно сам «разговор-доклад», примерное представление о содержании которого дают тезисы, сохранившиеся в афишах. Приводим их полностью: «О Лефе. О прафе. О Пушкине. О бешеном огурце. О Варшаве. О «сером кабыле». О слезах Крамаржа. О восьми столицах. О прочем».²

«Разговор-доклад» Маяковского был построен на материале непосредственных наблюдений поэта за общественной и литературно-художественной жизнью страны и на впечатлениях от последней поездки за рубежи нашей Родины. Чтение стихов и ответы на записки слушателей составляло вторую часть разговора поэта с аудиторией и было тесно связано с самим докладом. В афише стихи были означены под новыми или видоизменёнными названиями и разбиты на три группы: 1) «Маршал Понятовский и чугунные штаны», «Руководство для начинающих подхалимов», «То в нос тебе магнолия», «Фабрика оптимистов», «Корона и кепка», «Канцелярские привычки». 2) «Разговор с Венерой Милосской о Вячеславе Полонском», «Линдберг и макароны», «А пироги жрёшь?», «Северяне нам наврали», «Негритоска Петрова», «Даёшь изячную жизнь!» и 3) «Дурацкая смерть», «За что боролись?», «Один из Ивановых»,

---

¹ См. «Терек», Пятигорск, 1927, Нр. за 4 сентября.

² См. «Всем — всё». Афиша выступления. Гос. музей Маяковского

«Ужасающая фамильярность», «Славянский вопрос», «Искусственные люди» и др.¹

В большинстве своём это были стихи, написанные поэтом в начале 1927 года. Таковы, например, «Корона и кепка», «По городам Союза» («А пирог-то жрёшь?»), «Общее руководство для начинающих подхалимов», («Руководство для начинающих подхалимов»), «Фабрика оптимистов» и некоторые другие. В них Маяковский с законной гордостью советского патриота говорит о великих завоеваниях Октября, о единстве классовых интересов международного пролетариата, выступает с литературной полемикой, зло высмеивает бюрократов, подхалимов, перерожденцев и мещан, уходящих от боевой кипучей жизни страны в гнилой уют «оптимизма» обывательского болотца.

Следует отметить, что стихотворение «Корона и кепка» уже не было новинкой для литературной общественности Кавмингруппы. 12 марта 1927 года в день десятой годовщины Февральской революции в России оно, наряду с центральными московскими изданиями, было опубликовано и в газете «Терек». В марте того же года в «Тереке» были опубликованы агитационные стихи Маяковского «Лезьте в глаза, влетайте в уши слова вот этих лозунгов и частушек» и «Вдохновенная речь про то, как деньги увеличить — уберечь».²

Общественность Пятигорска и других городов Кавмингруппы приняла активное участие в подготовке к литературным вечерам Маяковского. Помимо печатных афиш на всех людных местах курортов были выставлены большие плакаты, извещавшие о дне и программе выступлений поэта. В Ессентуках, например, помимо организатора выступлений Маяковского — П. И. Лавута, деятельное участие в организации рекламы принял коллектив работников «Театра-Парк» во главе с директором театра.

Утром 5 сентября Маяковский приехал в Кисловодск и остановился в гостинице «Гранд-Отель» (теперь в этом здании помещается санаторий «Нарзан»), где для него и его спутников было приготовлено несколько комнат.

6 сентября в помещении театра Лермонтовской галереи в Пятигорске состоялось первое выступление поэта. Плохая погода, стоявшая в этот день на группе, не помешала поклонникам таланта Маяковского. Помещение театра было переполнено. Очевидцы рассказывают, что Маяковский и на этот раз специально интересовался составом аудитории, перед которой ему предстояло выступить. Как в Пятигорске, так в Ессентуках и в Кисловодске, кроме курортников, было очень много местных жителей — особенно интеллигенции и молодёжи. Были среди слушателей и представители Терской ассоциации пролетарских писателей (ТАПП), как громко именовали себя местные РАППовцы.

Яркое и многогранное выступление Маяковского надолго приковало внимание всех присутствовавших на вечере. Большое количество записок, помимо устных вопросов, которое получил поэт в этот вечер, является отличным подтверждением того, что безразличных не было, что Маяковский в своём докладе и в стихах затронул наиболее злободневные вопросы общественной и литературно-художественной жизни. В архиве Дома-музея Маяковского в Москве сохранилось 47 записок от слушателей-пятигорчан, которые свидетельствуют о большом

---

¹ По афише выступления Маяковского.

² См. «Терек» за 1927 год. Нр. 59, 70, 67.

интересе, проявлявшемся со стороны присутствующих к вопросам литературы, к творчеству отдельных советских писателей, к творчеству и личности самого Маяковского. Вот некоторые из этих записок:

«Т. Маяковский! Ответь, пожалуйста, ты — партийный или нет? У нас в публике идёт спор об этом. П.»¹

«Ваш взгляд на стихи Демьяна Бедного?»²

«Укажите наиболее яркие группировки современных писателей».³

«Ваше мнение о Игоре Северяnine как о поэте и, если знаете, почему он не пишет в данное время? Скажите».⁴

Такие вопросы Маяковскому задавали и в других городах, ответы на них известны достаточно хорошо. Большой интерес представляют вопросы, заданные ему местными писателями и поэтами. Так в одной из записок у Маяковского спрашивали о том, знает ли он произведения главы пятигорских ТАППовцев Алексея Славянского и как оценивает их. Одновременно с этим в записке содержалась просьба: «сказать что-нибудь о нашем Пятигорске».⁵

Ответ поэта на этот вопрос мог быть только отрицательным, так как Маяковский безусловно не знал и не мог знать весьма посредственных (если не сказать больше) пьес драматурга Славянского.

Некоторые записки проливают свет на серьёзные пороки ТАППа в работе с писательской молодёжью, на истинные причины идейного и творческого убожества целого ряда местных писателей и поэтов. Так, например, один из пятигорских поэтов писал Маяковскому: «Тов. Маяковский. Может ли отразится жизнь и поведения Есенина на те кружки, которые занимают его чтением стихов

---

¹ Архив Гос. музея Маяковского, Москва, Нр. Р-3707.

² Там же. Нр. Р-3697.

³ Там же. Нр. Р-3709.

⁴ Там же. Нр. Р-3701.

⁵ Там же. Нр. Р-3684.

и работают по его сочинениям, а так-же перерабатывают его материал на свои произведения».¹ Ответ Маяковского автору этой малограмотной записки прекрасно сформулирован поэтом в статье «Как делать стихи» и в стихотворении «Сергею Есенину», которые относятся к 1926 году. Остановившись на факте самоубийства Есенина и особенно подчёркивая вредность т. н. «последних» его стихов, Маяковский писал: «Конец Есенина огорчил, огорчил обыкновенно, по-человечески. Но сразу этот конец показался совершенно естественным и логичным (Маяковский имеет в виду упадочные настроения поэта, его противоречия, отрыв от народа — В. Д.). Я узнал об этом ночью,— огорчение, должно быть, так бы и осталось огорчением, должно быть, и подраसेялось бы к утру, но утром газеты принесли предсмертные строки:

В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей...

После этих строк смерть Есенина стала литературным фактом.

Сразу стало ясно, скольких колеблющихся этот сильный стих, именно — стих, поведёт под петлю и револьвер.

И никакими, никакими газетными анализами и статьями этот стих не аннулируешь.

С этим стихом можно и надо бороться стихом и только стихом». По свидетельству П. И. Лавута, Маяковский во время своих выступлений перед чтением «Сергею Есенину» обычно пояснял: «Есенин безусловно талантливый поэт, но он часто писал не то, что нам надо, и этим приносил не пользу, а вред: тем хуже, что он был талантлив. Столыпин, например, был достаточно талантливым политическим деятелем, но тем вреднее он был для нас и тем приятнее, что его убили».²

Отношение же Маяковского к работе поэта, к процессу поэтического творчества, его точка зрения на роль и место поэта в строю зодчих социализма нашло яркое отражение в целом ряде его произведений, в том числе и в стихотворении «Сергею Есенину»:

«Дрянь
пока что
мало поредела.
Дела много —
только поспевать.

Надо
жизнь
сначала переделать,
переделав,—
можно воспевать.

Это время

---

¹ Там же. Нр. Р-3685.

² П. Лавут. Маяковский едет по Союзу. «Знамя», 1940, Нр. 4—5, стр. 210.

трудновато для пера:
но скажите,
Вы,
калеки и калекши,
где,
когда,
какой великий выбирал
путь,
чтобы протоптанней
и легче?
Слово —
полководец
человечьей силы.
Марш!
Чтоб время
сзади
ядрами рвалось.
К старым дням
чтоб ветром
относило
только путаницу волос».

Об этом же говорил поэт и в разделе доклада «О сером кабыле», который значительная часть слушателей встретила с веселым оживлением, а теми, к кому он непосредственно относился, с плохо скрытым раздражением, что подтверждается приводимой ниже рецензией Славянского.

К сожалению, среди ТАППовцев было не мало лиц, которые «перерабатывали» «на свои произведения» не только стихи Есенина, но и стихи Ахматовой, Бальмонта и т. п. Обратимся к фактам. Так, например, Леонид Трумпельдор в статье «У пролетписателей Терека» отмечал полную зависимость «лиры» местного поэта Андреева от творчества Есенина.¹ Более того, конечно, не без предварительного одобрения руководителей ТАППа, вирши Андреева и некоторых других декадентствующих ремесленников пера появлялись в печати. Вот отрывок из одного опуса Андреева, который был напечатан в литературной страничке «Терека» за 27 сентября 1927 года (уже после выступления Маяковского в Пятигорске):

«Грядью золотою
Встряхивает день,
Катится по крыше
Розовая тень...» и т. д.

Этот набор рифмованных слов, из которого читатель узнает о берёзке, которой снится «светелка в небе голубом», а самому автору «тихая заря», по мнению Андреева, должен был означать картину вечера. С «Вечером» перекликается помещённое в том же номере газеты и не менее малограмотное изделие Воробьёва о ветре, который не только «легок», но и «недвижим» (!?):

---

¹ См. «Терек», Пятигорск, 1927, Нр. за 30 апреля.

«А друг мой, ветер,
Лёгок недвижим,
И из-за дальних кипарисов,
Такую юную
Вдруг обнажил
Татарку синеглазую в монистах».

На серьёзные ошибки терских РАППовцев неоднократно указывала партийная и советская общественность Пятигорска. Так, например, в статье «Клубы ТАПП и АХРР» А. Красных писал, что «у ТАППа нет связи с широкими рабочими массами, нет критики со стороны массы, нет пополнения из неё, нет применения молодых сил ТАППовцев для выявления новых сил из рабочей и комсомольской среды».¹ Однако корень ошибок ТАППа был не только и не столько в том, что у него не было «применения молодых сил» «для выявления новых сил из рабочей и комсомольской среды» и т. п., а прежде всего в крайне низком идейно-теоретическом уровне многих членов этой организации, в вульгаризации важнейших положений марксистско-ленинской теории, в пороках РАППа, которые отмечались в постановлении ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы» в 1925 году.

Нужно отдать справедливость, что далеко не все ТАППовцы катали по крышам Пятигорска «розовые тени» и обнажали «из-за дальних кипарисов» синеглазых татарок. Многие из них пытались в своих произведениях откликаться на события советской действительности, идти в ногу с эпохой. Однако очень часто это делалось неумело, абстрактно и без достаточного мастерства. Нередко такие злободневные произведения представляли из себя что-то среднее между стихами символистов и космическими виршами пролеткультовцев.

Вполне естественно, что та часть «разговора-доклада», в которой Маяковский останавливался на важнейших вопросах развития советской литературы и в которой он подверг резкой критике творчество разного рода виршеплётов, создававших «уникумы» вроде «Вечера» Андреева, вызвала с их стороны и со стороны «лидера» ТАППовцев Славянского довольно ожесточённую реакцию. Так в одной из записок, автор которой предпочёл скрыться за неразборчиво написанными инициалами: «К. С. или А. С.»,— эта негативная реакция выражена в очень грубой форме:

«Ошибки формы у самого! Дёшево насчёт гривы ЛЕФа. Для знающих — глупо для не знающих остаётся непонятным и после остроты, да ещё мало удачной. Самый дешёвый вид остроумия — «по-созвучию». Поэтов, «ковыряющих в ноздре и ничего не пишущих, не работающих», очевидно никто не читает, стоит ли о таких непишущих нечитаемых поэтах упоминать? Вместо этой «ядовитой» для младенцев «ужасно остроумной» части критики пустого места, глумления над тем, что «глумно» и так, без Ваших слов не лучше ли было бы развить свою положительную часть? А то главное положение «работай над формой» не по вдохновению, а как ремесленник, — положение само по себе интересное,— остается не развитым. Не показан сам процесс и приёмы мастерства для

---

¹См. «Терек», Пятигорск, 1927, Нр. за 27 января.

примера, чтобы мы знали, как работают по РАППу, а как по ЛЕФу».¹

Есть основания предполагать, что автором этого послания был «сам» Славянский. Это предположение помимо сходства инициалов, прямого вопроса: «как работают по РАППу, а как по ЛЕФу?» — подтверждается и тем, что в отчёте «О вечере Маяковского», опубликованном в «Терек» уже после отъезда поэта, Славянский не упускает случая для того, чтобы опорочить Маяковского и представить его выступление в ложном свете. Так, например, он намеренно подчёркивал, что Маяковский — «родоначальник и вождь русских футуристов» и, как бы между прочим, добавляя в скобках: «одно время составлявших самую скандальную группу в литературе».² Вместо того, чтобы признать, что в докладе Маяковского был затронут ряд злободневных для ТАПП вопросов, Славянский, умалчивая о творческих «достижениях» своих собратьев по перу, с явно наигранной хорошей миной в плохой игре, и извращая смысл выступления поэта, пишет, что Маяковский «почему-то вдруг обрушивается на литературные течения и кружки, которые у нас есть в крупных городах и на которые целиком опирается в своей работе ВАПП. С издевательством говорит о всевозможных группах, существующих на «каждой улице» и восстаёт против начинающих писателей. Взяв откуда-то несуществующую цифру — сто восемьдесят тысяч пролетарских поэтов, он обрушивается на их корявое творчество и цитирует наихудшие образцы этого творчества, вроде «рыжей кобылы», написанные каким-то чудаком».

Затем, набравшись духа, Славянский пытается полемизировать с Маяковским, выдвинуть какое-то своё литературное кредо, но, в конечном итоге так и не развив своей программы, сводит всё к одному: «Мы не согласны со взглядами Маяковского!» Приводим эту часть статьи полностью:

«Мы согласны, что не надо штампа и повторения того, что уже перепето и пережёвано, но мы не согласны со взглядами Маяковского в отношении новой литературы.

Маяковский за рабкора и против поэта. Маяковский считает, что, если начать платить за стихи дешевле, чем за рабкоровские заметки, тогда сразу исчезнут все поэты».

Дальше идёт нравоучение.

«Мы не говорим, что все рабочие, казаки и крестьяне, состоящие в лит. кружках и группах — обязательно писатели, мы не раздаём такие дипломы и не внушаем им, чтобы они бросили всякую работу и занимались лишь писательским ремеслом.

Малограмотные, подчас не знающие, что такое ямб или хорей, не имеющие представления о технике писания рабочие и крестьяне всё же пишут и иногда неплохо. Горьковские «университеты» являются живым доказательством тому, что проповедуем мы, молодые пролетарские писатели. Учёба, самокритика, работа над формой и содержанием, качество литературной продукции и, наконец, правдивое отображение сегодняшнего дня, курс на реализм и показ настоящей

---

¹ Архив Гос. музея Маяковского, Москва, Нр. Р-3698.

² См. «Терек», Пятигорск, 1927, Нр. за 16 сентября.

эпохи — вот задачи пролетарских писателей, вот то, что они проводят в жизнь».¹

Не трудно заметить, что между этими хвастливыми и широковещательными декларациями лидера ТАППовцев о самокритике, учёбе, правдивом «показе настоящей эпохи» и практикой ТАППовцев была дистанция огромного размера, а раздел доклада Маяковского «О сером кабыле» полностью относился к творчеству значительного большинства опекаемой им Ассоциации.

Литературная молодёжь Пятигорска, литкружковцы, учащиеся и подавляющее большинство интеллигенции, вопреки Славянскому и другим РАППовским вульгаризаторам и зазнайкам, были на стороне Маяковского, живо реагировали на отдельные положения доклада и особенно горячо аплодировали поэту за мастерское чтение стихов. Нужно отметить, что стихи и поэмы Маяковского были и тогда уже хорошо известны многим пятигорчанам. Об этом говорят записки и показания свидетелей. Так, например, группа молодых писателей и поэтов пятигорчан обратилась к Маяковскому с просьбой, которая говорит об основательном знакомстве её авторов с творчеством поэта:

«Владимир Владимирович!

Если возможно исполнить просьбу «лит. брашки» прочтите: «А. С. Пушкину», «С. Есенину», «Солнце», «Чёрное и белое», «В. И. Ленину», «Облако в штанах» Е. Т.».²

Из-за болезни Маяковского вечер в Железноводске, назначенный на 7 сентября, был отменён. Вспоминая об этом, П. И. Лавут писал:

«В Железноводске публика узнала об отмене вечера перед самым началом, у входа в театр. Все билеты были проданы. Начался грандиозный скандал. Отдельные лица в толпе особенно рьяно подстрекали остальных. Шум всё увеличивался. Кассирше пришлось выслушать столько оскорблений, что она расстроилась до слёз... Чтобы не огорчать больного, мы скрыли от Маяковского всю эту историю, хотя он расспрашивал о том, как реагировала публика на отмену вечера. Только через несколько дней по его выздоровлению до него дошли слухи об этом скандале».³

В Железноводске выступление Маяковского так и не состоялось. Выступления в Кисловодске и в Ессентуках были перенесены на другие дни. «Работу, связанную с переносами других выступлений,— продолжает Лавут,— пришлось проводить в два дня. В Ессентуках и Кисловодске вечера удалось перенести на другие числа на необычные часы (пять часов дня). Пока изготавливались новые афиши, надо было вывесить хоть несколько старых с соответственными рукописными наклейками.

Маяковский вникал во все детали «производства». Он немедленно предложил свои услуги в качестве плакатиста. Написав один внушительный плакат, он, стоя на коленях, засучив рукава, принялся за переделку афиш. С невероятной быстротой он вносил поправки и раскладывал афиши одну за другой для сушки. Папиросный окурочек заменил ему кисть, а чернила — краску.

— Ну, это детские игрушки по сравнению с работой в РОСТА».

Свидетельство Лавута нуждается в некотором уточнении. Так И. В. Назаров в своих воспоминаниях о выступлении поэта в Ессентуках пишет: «В назначенный

---

¹ См. «Терек», Пятигорск, 1927, Нр. за 16 сентября.

² Архив Гос. музея Маяковского в Москве. Нр. Р-3695.

³ П. Лавут. Маяковский едет по Союзу. «Знамя», 1940, Нр. 425, стр. 227—228.

день Маяковский не выступал— был болен. Несмотря на это он приезжал в Ессентуки и хотел выступить. Перенос выступления был встречен публикой (в отличие от Железноводска, где был скандал) без всяких эксцессов. Дирекция театра высвободила для него специальный день (за счёт переброски других концертов и спектаклей в пределах Кавминвод)¹

11 сентября Маяковский выступал в Ессентуках в «Театре-Парк». Зрительный зал театра, вмещавший в то время около 600 человек, был переполнен. Были установлены дополнительные стулья, но и это не могло обеспечить всех пришедших на встречу с поэтом. По просьбе публики, дирекция театра раздала много так называемых «входных» билетов. По словам очевидцев, полный аншлаг в этот день был не только в зале, но и в оркестре, и за кулисами.

Как обычно, Маяковский выступал при открытой сцене, всё убранство которой составляли стул и небольшой столик, на котором стояла бутылка воды и стакан. Появление поэта было встречено слушателями продолжительными, долго не смолкавшими аплодисментами. Доклад был прослушан с большим вниманием, не ослабевавшим до самого конца, затем Маяковский приступил к чтению стихов. Вспоминая об этом, И. В. Назаров пишет: «Читал он очень хорошо, с душой. Публика тепло принимала каждое его стихотворение. Стихи были понятны и доходили до всех, иначе слушатели остались бы к ним равнодушными, а этого не было. По просьбе слушателей Маяковский... прочёл дополнительно ещё 5—7 стихотворений... Самой оживлённой и интересной частью вечера была беседа поэта с аудиторией. Кроме записок, было очень много устных вопросов на самые различные литературные и общественно-политические темы. На устные вопросы из зала Маяковский реагировал с молниеносной быстротой и всегда очень остроумно, а иногда и резко (в зависимости от характера вопросов).

Из вопросов, заданных Маяковскому в этот вечер, мне хорошо запомнились только три-четыре.

В ответ на вопрос о том, как он относится к творчеству Пушкина, Маяковский, помимо очень высокой оценки его наследия, прочёл на память целый ряд отрывков из пушкинских произведений. О Достоевском Маяковский отозвался отрицательно».

С большим успехом прошло выступление поэта и в Кисловодске, где он выступал 13 сентября. Дальше по своему маршруту Маяковский в эту поездку не поехал и 15 сентября вернулся в Москву для завершения работы над поэмой «Хорошо».

---

¹Автограф воспоминаний И. В. Назарова передан автором статьи на хранение в Гос. музей Маяковского в Москве.